

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. АНГЛИЯ (1852 – 1864)

Электронная версия: [Павел Потехин](#)

Первые три части печатаются по изданию Герцен А.И. Былое и думы. Части 1 – 3. – М.: ГИХЛ, 1958.

ГЛАВА I. ЛОНДОНСКИЕ ТУМАНЫ

Когда на рассвете 25 августа 1852 я переходил по мокрой доске на английский берег и смотрел на его замарано-белые выступы, я был очень далек от мысли, что пройду годы, прежде чем я покину меловые утесы его.

Весь под влиянием мыслей, с которыми я оставил Италию, болезненно ошеломленный, сбитый с толку рядом ударов, так скоро и так грубо следовавших друг за другом, я не мог ясно взглянуть на то, что делал. Мне будто надобно было еще и еще дотронуться своими руками до знакомых истин для того, чтоб снова поверить тому, что я давно знал или должен был знать.

Я изменил своей логике и забыл, как розен современный человек в мнениях и делах, как громко начинает он и как скромно выполняет свои программы, как добры его желания и как слабы мышцы.

Месяца два продолжались ненужные встречи, бесплодное искание, разговоры тяжелые и совершенно бесполезные, и я все чего-то ожидал... чего-то ожидал. Но моя реальная натура не могла остаться долго в этом призрачном мире, я стал мало-помалу разглядывать, что здание, которое я выводил, не имеет грунта, что оно непременно рухнет.

Я был унижен, мое самолюбие было оскорблено, я сердился на самого себя. Совесть угрызала за святотатственную порчу горести, за год суеты, и я чувствовал страшную, невыразимую усталость... Как мне была нужна (3) тогда грудь друга, которая приняла бы без суда и осуждения мою исповедь, была бы несчастна – моим несчастьем – но кругом стлалась больше и больше пустыня, никого близкого... ни одного человека... А может, это было и к лучшему.

Я не думал прожить в Лондоне дольше месяца, но мало-помалу я стал разглядывать, что мне решительно некуда ехать и незачем. Такого отшельничества я нигде не мог найти, как в Лондоне.

Решившись остаться, я начал с того, что нашел себе дом в одной из самых дальних частей города, за Режент-парком, близ Примроз-Гилля.

Дети оставались в Париже, один Саша был со мною. Дом на здешний манер был разделен на три этажа. Весь средний этаж состоял из огромного, неудобного, холодного drawing-room 1. Я его превратил в кабинет. Хозяин дома был скульптор и загромодил всю эту комнату разными статуэтками и моделями... Бюст Лолы Монтез стоял у меня пред глазами вместе с Викторией.

Когда на второй или третий день после нашего переезда, разобравшись и устроившись, я взошел утром в эту комнату, сел на большие кресла и просидел часа два в совершеннейшей тишине, никем не тормошимый, я почувствовал себя как-то свободным, – в первый раз после долгого, долгого времени. Мне было не легко .от этой свободы, но все же я с приветом смотрел из окна на мрачные деревья парка, едва сквозившие из-за дымчатого тумана, благодаря их за покой.

По целым утрам сживал я теперь один-одинехонек, часто ничего не делая, даже не читая, иногда прибежал Саша, но не мешал одиночеству. Г<ауг>, живший со мной, без крайности никогда не входил до обеда, обедали мы в седьмом часу. В этом досуге разбирал я факт за фактом все бывшее, слова и письма, людей и себя; ошибки направо, ошибки налево, слабость, шаткость, раздумье, мешающее делу, увлечение другими. И в продолжение этого разбора внутри исподволь совершался переворот... Были тяжелые минуты, и не раз слеза скатывалась по щеке; но радостные, не радостные, но мужественные; я чувствовал в себе силу, я не надеялся (4) ни на кого больше, но надежда на себя крепчала, я становился независимее от всех.

Пустота кругом скрепила меня, дала время собраться, я отвыкал от людей, то есть не искал с ними истинного сближения; я и не избегал никого, но лица мне сделались равнодушны. Я увидел, что серьезно-глубоких связей у меня нет. Я был чужой между посторонними, сочувствовал больше одним, чем другим, но не был ни с кем тесно соединен. Оно и прежде так было; но я не замечал этого, постоянно увлеченный собственными мыслями; теперь маскарад кончился, домино были сняты, венки попадали с голов, маски с лиц, и я увидел другие черты, не те, которые я предполагал. Что же мне было делать? Я не мог не показывать, что я многих меньше люблю, то есть больше знаю; но не чувствовать этого я не мог, и, как я сказал, эти открытия не отняли у меня мужества, но скорее укрепили его.

Для такого перелома лондонская жизнь была очень благотворна. Нет города в мире, который бы больше отучал от людей и больше приучал бы к одиночеству, как Лондон. Его образ жизни, расстояния, климат, самые массы народонаселения, в которых личность пропадает, все это способствовало к тому вместе с отсутствием континентальных развлечений. Кто умеет жить один, тому нечего бояться лондонской скуки. Здешняя жизнь, точно так же как здешний воздух, вредна слабому, хилому, ищущему опоры вне себя, ищущему привет, участие, внимание; нравственные легкие должны быть здесь так же крепки, как и те, которым назначено отделять из продымленного тумана кислород. Масса